

КРОЛИКИ

Семен Грила

Кролики

*«Идеи – как кролики.
Берешь парочку, учишься с ними обращаться,
и вскоре их становится дюжина».*
Джон Стейнбек

Смешное

Смешного было много. Они работали в кафе. Кто официантами, кто на кухне, а кто и за кассой следил. Все могли пробивать чеки, но касса, касса – это святое.

Ребята были кто откуда. Студенты больше сезона, как правило, не держались. Но были и исключения. Илья был человеком идейным, в смысле с идеями. Работал третий год и вроде как собирался работать и дальше.

Кто-то говорил, что он картежник, а кто-то – что курит или нюхает. Как вы поняли, местная легенда, а не человек.

На самом деле Илья в карты не играл и не курил, он составлял бизнес-планы начинающим бизнесменам – для подачи в банк, для получения кредита или для аудита деятельности, или для совета директоров. Он был нарасхват.

Почему работал официантом? Он говорил – для ощущений социума. Мол, без этого нельзя. Люди разные, и много. Ну где такое найдешь? А на самом деле... а на самом деле – кто ж его знает.

Так вот, о смешном. Серафим был смешной. Это мужик, который привозил полуфабрикаты по договору от мясокомбината. Он был таким нелепым, что ребята придумали ему параллельную жизнь и каждый день двигали ее новыми историями.

Они сочиняли несусветную чушь. Условие было одно – чтоб смешно, но в рамках, с соблюдением человеческого достоинства. Вот как это происходило.

Утро доставщика

Представлялось, что вставший в 4 утра доставщик сначала долго смотрел в зеркало, стоя над раковиной. Потом быстро умывался и опять долго смотрел в зеркало, вытирая лицо. Потом включал в ванной свет. Происходило полное узнавание.

Его маленькая квартирка на первом этаже в трескучих ебнях позволяла не особенно делить пространство на зоны: и еда, и отдых, и гардероб, и сон происходили на расстоянии вытянутой руки, а иногда и ближе.

Ковролин был весь в пятнах, диван был хорошо пожившим, а стиральная машина смотрела волком.

Серафим отдергивал занавески, и ужас еще темного мира окончательно накрывал его. Поняв, где он и кто он есть, Серафим выдвигался на своей «Газели» за товаром и ехал по клиентам.

Вот примерно так все происходило в реале, но народ, конечно, придумывал всякие чудеса вроде пробуждения в постели дома у богатой вдовы или ношения красных стрингов под одутловатыми джинсами. Еще в ходу были тату с разудалыми надписями и трогательная забота о кошках, которых Серафим якобы держал у себя в квартирке.

Двойная жизнь

Но настоящую вторую жизнь Серафиму придумал, используя его реальные документы, Илья, создав Серафиму виртуальный образ инвестора. В этой жизни Серафим был не доставщиком полуфабрикатов в точки общепита, а владельцем криптофермы, растящей цифровые валюты. Для этого Серафим арендовал помещения склада, на котором инвалиды производили детские игрушки, за что им различные благотворительные фонды компенсировали издержки, связанные с отоплением и освещением. Сложившиеся обстоятельства позволили оплачивать электроэнергию по льготному тарифу.

А еще на Серафима были оформлены десять кредитов в семи банках. Короче говоря, бизнес процветал. Серафим был не вполне в курсе, насколько он успешен, но и ему перепало от щедрого Ильи.

Официанты тоже были прикручены Ильей к процессу движения денежных средств. Кто сознательно, а остальные по факту. Рогозина, вертлявая девица с филфака, так та держала салон красоты, который имел и офис, и оборудование, и сайт, и рекламу в Сети. Но на самом деле существовал только бизнес-план и кредит для его осуществления, выданный знакомым банком.

ПИНГВИН

Кстати говоря, само кафе Илья тоже выкупил на кредит, заложив под него оборудование и договор аренды. Налоговая декларация была блестящая, и от кредита еще осталось на другие нужды. В общем, «Пингвин», так называлось кафе, мог считаться штаб-квартирой или офисом корпорации многопрофильной и во всех частях успешной.

Но неумолимо приближалось время проверок и платежей, и страницу требовалось перевернуть. Илья занялся продажей всего виртуального за что-то вещное. Вечное. Ценное. За крипту.

Аудитор пришел вечером. Илья ждал его уже неделю, и сегодня настроение у него было неподходящее, но деваться было некуда.

Степаныч был нужен ему, а не наоборот. Аудитором Степаныча стали называть давно, с конца восьмидесятых. Сейчас ему было 80 лет, он видел все или почти все. Ну, вы поняли, его трудно было удивить.

– Илюшенька, – сказал аудитор, – я посмотрел твои документы. Зачем ты довел все до такого-то?

– Ну вот от тебя, Степаныч, я не ожидал. Ты же любишь такое. Я ведь твой ученик.

– Ладно, давай, рассказывай, какой у тебя план, – Степаныч снял пиджак, оставшись в жилетке. Надо сказать, одевался аудитор с большим вкусом, помня сказанное кем-то, что аккуратная одежда – вежливость пожилого человека. В этих критериях он был чрезвычайно вежливым человеком. Лучшие портные были с ним знакомы, это было очевидно.

– Замысел, как всегда, простой, – сказал Илья. – Продать в одни руки тому, кому нужна репутация для легализации. Ну, не репутация в смысле репутации, а легенда, бумаги, история. Тихая и понятная.

– Интересно, – сказал Степаныч. – И есть кто-то на примете?

– Я надеялся, вы подскажете, вы же всех знаете.

Аудитор

Валентин Степанович Пивоваров знал, конечно, всех. Прелесть его позиции заключалась в том, что его при этом не знал никто. Ну почти. Другие, может, что-то слышали или видели, но разобрать и понять не могли. Он был неким мифом, легендой, которая жила давно сама по себе, как цитаты Бисмарка. За него его жизнь придумывали другие и обильно цитировали. В общем, он существовал как апокриф, и как апокриф его знали все. Никто – и все. Это позволяло быть неуязвимым или, по крайней мере, чувствовать себя таким.

Не было уязвимостей, пока он не вступал в дело. Вот и теперь, занеся ногу над пропастью, он думал: на фига? Илья, конечно, близкий человек, но зачем опять выходить из равновесия, нервничать, а и того хуже – переживать? Хотя нет, как раз переживать хотелось. Хотелось чувствовать жизнь, но комфорт тянул на себя, и замерев на краю, Степаныч трепетал под натиском адреналина.

Молодость прилиwała в чресла, и он уже мысленно ехал к Танечке. Но только мысленно, конечно.

Вот что давали ему такие разговоры и за это он их любил, а за огрызки и слякоть, остающуюся после, не любил. Дилемма. Мать ее. Вот так всегда.

Ладно. Сыграем. Может, в последний раз. Кокетничаем, одернул себя Степаныч. Фу как стыдно.

Тайна

Илья был сыном очень известного в узких, как говорится, кругах человека. Ныне крупного чиновника. Сыном – непризнанным формально, но неформально издаелека поддерживаемым. Об этом почти никто не знал. Но аудитор знал. И решил это знание продать.

Бизнес Ильи, даже надутый, мало стоил и серьезного человека вряд ли бы заинтересовал, а вот с легендой, с гербом на титульном листе, хоть и невидимым, – совсем другое дело.

Интрига. Папа помогает. Хотите быть ближе, тоже помогайте.

Аудитор сказал Илье переписать все на одного. Выбрали, конечно, Серафима.

Он будет номиналом, сказал Степаныч. Нашим золотым мальчиком. Оценили в 100 миллионов.

– Не много ли? – спросил Илья.

– Нормально, - сказал Степаныч. - Цифра должна соответствовать.

Схема вывода была на Степаныче, увод внимания покупателя на Илье. Дальше было делом техники.

Слухи сначала подготовили почву. Региональный депутат, строительный магнат и лендлорд, мечтавший переехать в мегаполис, где решаются судьбы страны и мира, был старательно, многослойно и многоканально проинформирован о холдинге сына самого сами знаете кого. Сын хочет уехать, и папа дал добро на продажу.

Они использовали и соцсети, и полезных дураков, и приятелей. И однажды Валентин Степанович, столкнувшись у общих знакомых с депутатом, тем самым, из региона, услышал от него:

– А вы ведь знаете Илью, ну того, который... – и он закатил глаза вверх.

– Знаю, – ответил Степаныч коротко.

– Что думаете о нем?

– Серьезный парень, вы понимаете?

– Понимаю.

Суть

Прошел год. Региональный барон и Илья уже несколько раз собирались серьезно поговорить о бизнесе, ездили вместе отдыхать, встречались на форумах и фестивалях, и вот, наконец, в Танзании после разглядывания тигров и носорогов все случилось.

Депутат сказал, что слышал: Илья ищет покупателя. Илья сыграл усталую золотую молодежь. Показал дом и яхту, которую надо выкупать у верфи. Ну, в общем, денег на жизнь не хватает.

После той встречи сделка быстро пошла. Деньги получены, депутат получил все права.

Потом достаточно быстро выяснилось, что Серафим не в курсе дел, холдинг, наскоро сведенный под одного владельца, стоит максимум десять процентов от заплаченных денег, а отец героя для депутата так и остался недоступен.

Нет, он понимал, говорил депутат Валентину Степанычу, что платит за бренд, но бренд даже не обогрел своим теплом его жизнь.

Поэтому депутат приложил максимум усилий, чтобы просветить себя по поводу положения, в которое попал. Он хотел ответа. Это стоило отдельных денег.

Человек пошел и спросил. Там ответили, что нет сына с таким именем. И еще сказали: живите с миром.

Так прошло еще пять лет. Валентин Степаныч к тому времени уже помер. Илья добился от папы признания, хоть только и в виде неких возможностей, но все же.

Депутат переехал в столицу, и теперь они с Ильей работают вместе.

А прошлое... прошлого нет, как нет и будущего. Есть только здесь и сейчас, а все остальное – это лишь идеи, которые плодятся в голове. Как кролики.